

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Е.Н.КАНАНЕРОВА

ПРОБЛЕМА КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ И «РАСКУЛАЧИВАНИЯ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 1990-2000 гг.

В статье рассмотрено развитие изучения в отечественной аграрной историографии проблемы коллективизации и «раскулачивания». Автором проанализированы сборники документов, монографии, статьи, изданные в 1990-2000 гг., прослежена эволюция концепций, тематики, терминологии авторов, разрабатывавших данную проблему. Проведённый анализ показал, что мощным импульсом в развитии данного направления аграрной историографии была публикация документов в рамках проекта «Трагедия советской деревни». Аграрная историография 1990-2000 гг. добилась серьезных успехов в изучении данной проблемы на региональном уровне. В настоящее время в регионах сложились школы по изучению рассматриваемой проблемы.

Ключевые слова: Коллективизация, «раскулачивание», «раскулаченные», «социалистическое раскрестьянивание», «расказачивание», хлебозаготовки, аграрная историография.

Последнее десятилетие XX века стало временем серьезных политических, социально-экономических и идеологических перемен в России, давших новый импульс развитию науки, выходу из «идеологического подполья» давно созревших у ученых идей, появлению новых направлений и научных концепций. Политическая либерализация дала отечественным и зарубежным исследователям возможность объединить усилия, что обогатило мировую науку, в том числе, в области изучения аграрной истории России XX века.

С одной стороны, тема коллективизации являлась одной из самых документально освещенных в советской научной литературе. Но при «официальном утверждении марксизма-ленинизма в качестве неоспоримого «научного откровения» и единственно верной теории» [1], на данную тему долгое время было наложено множество идеологических запретов. В сборниках советских лет можно найти лишь материалы, отражавшие официальную оценку событий в деревне.

Новая историография формируется на базе снятия идеологических запретов, открытия доступа к засекреченным прежде документам и

совместной работы ученых из разных стран над проектом «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939» [2].

Международный проект «Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание. 1927-1939 гг.» посвящен истории коллективизации и становлению колхозного строя в 1930-е гг. [3] в рамках сталинской модернизации страны [4]. Его результаты позволили не только обогатить фактический материал, заполнив «белые пятна», связанные с запретом на изучение некоторых аспектов аграрной истории нашей страны в советские времена, но и во многом переоценить саму роль российского крестьянства в XX веке.

Определяя государственную политику в деревне в годы коллективизации как антикрестьянскую, составители серии выделяют в ней три основных направления.

Первое – это хлебозаготовки, часто приводившие к разорению и голоду деревни.

Второе – «раскулачивание», конфискация имущества у наиболее хозяйственно крепкой части деревни с последующим выселением владельцев и их семей в отдаленные районы, а частью их физическим истреблением.

Третье – собственно коллективизация – принудительное объединение семейных крестьянских хозяйств в крупные коллективные хозяйства, жестко и беспрекословно подчиненные государству для обеспечения бесперебойного поступления средств для индустриализации страны.

Подобная государственная политика не могла не вызывать протеста крестьянства и части партийно-хозяйственного актива. Для его подавления сталинский режим использовал огромный аппарат государственного насилия.

Особое место в документах, относящихся к маю 1927 – ноябрю 1929 гг. (подготовительному периоду сплошной коллективизации) занимают наряду с государственными (материалами пленумов ЦК ВКП(б), заседаний Политбюро и отделов партии; отчетами, докладными, директивами ОГПУ; материалами НКВД, Наркомзема и военных советов разных военных округов; телеграммами, письмами и другими документами Сталина и его ближайших сподвижников), документы о мощном крестьянском сопротивлении насилию властей в ходе хлебозаготовок и коллективизации (прокламации, народные песни и другие материалы крестьянского происхождения, конфискованные государственными органами у кулаков).

Документы, посвященные событиям ноября 1929 – декабря 1930 гг. (развертыванию сплошной коллективизации и «раскулачивания») свидетельствуют о том, что операция по «раскулачиванию» была четко спланированной акцией «сверху», а не стихийной инициативой «снизу» самого крестьянства, как утверждалось в советской историографии.

События конца 1930-1933 гг. определяются как кульминация крестьянской трагедии, начавшаяся с форсирования коллективизации осенью 1930 г., и завершившаяся страшным голодом 1932-1933 гг.

«Раскулачивание», по мнению авторов, являлось средством стимулирования коллективизации и укрепления колхозного строя.

В частности, в указанный период изменяются критерии кулацких хозяйств. 23 декабря 1930 г. местные власти получают предписание определять характер крестьянского хозяйства самостоятельно, с учетом местных условий [5]. Это создавало базу для произвола и использования

«раскулачивания» или его угрозы как основного способа увеличения темпов коллективизации.

Не коллективизация стала основой для «раскулачивания», а напротив темпы «ликвидации кулачества» намного опережали темпы колхозного строительства, придавая ему новые импульсы, как экономические (имущество «раскулаченных» передавалось в колхозы или бедняцким хозяйствам), так и психологические (страх перед «раскулачиванием» часто заставлял крестьян вступать в колхозы).

Документы сборника убедительно показывают активное сопротивление крестьян, в т.ч. и спецпереселенцев, проводимой в деревне политике власти.

Об этом, например, свидетельствует большое число побегов спецпереселенцев. Подобные попытки были малоэффективным способом борьбы, поскольку жестоко подавлялись властью, да и спецпоселки находились в отдаленных местах, с суровым климатом, что чаще всего вело к гибели беглецов.

В 1932 г. недовольство крестьян только нарастало, о чем свидетельствуют сводки ОГПУ и информационные материалы других государственных органов [6].

Власть же отвечала жесткими действиями не только против отдельных семейств, но и против целых деревень, арестовывая тех, кто «саботировал» хлебозаготовки, полностью запрещая колхозную и единоличную торговлю, помещая восставшие деревни в кольцо продовольственной блокады, «вычищая» колхозы и государственный аппарат [7].

Документы сборника свидетельствуют о том, что некоторые местные руководители пытались смягчить репрессивную политику государства или добиться помощи в условиях поразившего зерновые районы СССР голода [8].

Власть чаще всего отвергала подобные попытки. В тех случаях, когда помощь выделялась в форме возвратной ссуды, она предназначалась только трудоспособным, исключая детей и стариков [9].

Авторы считают, что главной причиной голода 1932–1933 гг. было то, что, несмотря на сокращение валового сбора зерновых в годы коллективизации, государство увеличило хлебозаготовки почти в 2 раза по сравнению с 1928 г. Это обескровило деревню, поставило под удар

продовольственное снабжение страны и индустриализацию, что вынудило государство пойти на смягчение аграрной политики (в 1933 массовые выселения сельского населения не проводились, а в 1934-35 гг. были ограничены) [10].

Начинается стабилизация отношений крестьянства и власти, которая отнюдь не означала окончательного завершения репрессивной политики.

Репрессивные меры против руководства колхозов и колхозников применялись как для преследования по политическим мотивам, так и в качестве способа разрешения хозяйственных проблем (невыплата налогов, гибель скота) [11].

Авторы опровергают распространенное в историографии мнение о том, что период 1934-1936 гг. был относительно спокойным для деревни. Репрессии против крестьян продолжались (внесудебные выселения крестьян), хотя и уступали масштабам первых лет коллективизации.

Оценивая события в деревне, относящиеся к периоду 1937–1939 гг. («Большого террора») авторы не поддерживают распространенную в историографии точку зрения о необходимости проведения в СССР репрессий в связи с внешней угрозой.

Широкомасштабные репрессии начались за несколько лет до начала «Большого террора» и были направлены против крестьянства. Отсюда делается вывод, что основной задачей, которую преследовало партийное руководство, нагнетая обстановку, была, во-первых, расправа с теми, кто еще мог составить хоть какую-нибудь оппозицию в самой партии и среди населения, а, во-вторых, откровенное запугивание миллионов советских граждан. Для этого и использовались массовые депортации по внесудебным решениям, показательные судебные процессы над партийными работникам [12].

Террор 1937-1939 гг. коснулся не только городов, но и деревни. Авторами тома делается вывод, что жесточайшие репрессии, по сути, были «раскулачиванием по 2 категории» и завершились массовыми выселениями «раскулаченных» в необжитые регионы страны [13].

Документы сборника содержат и другие уникальные материалы: о массовом бегстве крестьян из мест ссылки, документы о положении деревни, о продовольственных затрудне-

ниях, развитии ЛПХ и единоличных хозяйств, о государственной политике в отношении деревни [14, 15, 16, 17].

Новые знания, полученные в рамках работы над проектом «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939», оказали большое влияние на дальнейшее изучение в отечественной исторической науке данной проблемы.

Согласно выводам, сделанным Г.Ф.Доброноженко, коллективизация в северных регионах нашей страны ставила задачу «включения деревни в систему директивного планирования и обеспечения перекачки средств из сельского хозяйства в промышленность для удовлетворения непосредственных нужд форсированной индустриализации» [18].

Достижение поставленной цели было обеспечено, по мнению автора, мерами жесточайшего государственного принуждения и подавления сопротивления крестьянства.

Им же выполнена интересная работа (сборник документов) о политических настроениях северного крестьянства в годы НЭПа и накануне коллективизации [19].

В плане новых подходов и выработки более адекватной терминологии интересна оценка рассматриваемых нами процессов, данная новосибирским историком В.А.Ильных. Изменения, происходившие в деревне с конца 1920-х годов, он определил термином «социалистическое раскрестьянивание», что, на наш взгляд, более адекватно отражает сущность явления, чем термин «раскулачивание», который обычно используют без кавычек, – т.е., осуждая преступления сталинского режима против крестьян, используют его же терминологию [20].

Башкирский исследователь Р.А.Бикбаев, рассматривая уровень развития крестьянских хозяйств Башкирии накануне коллективизации, основные этапы, методы коллективизации, а также положение репрессированных башкирских крестьян, приходит к выводу, что достигнутые успехи не шли ни в какое сравнение с той ценой, которую пришлось заплатить за это деревне [21].

Схожие оценки можно найти в работе чукотского историка В.Нувано, посвященной трагическим последствиям коллективизации на Чукотке. Несмотря на рапорты местных властей, ав-

тор отмечает, что коллективизация не была завершена в этом регионе вплоть до начала 1950-х гг. Он считает, что упадок оленеводства и нищенствование населения (в том числе и духовное) связано в первую очередь с насильственной коллективизацией. В.Нувано создана карта Чукотского полуострова, на которой отмечены сохранившиеся и исчезнувшие оленеводческие поселки. Их соотношение практически 1 к 10 [22].

Демографический аспект проблемы коллективизации на примере сибирской деревни затрагивает Б.Угрюмов. По его подсчетам, с 1926-1938 гг. число хозяйств в Ленском регионе сократилось на 27%, а население на 34%. Особенно уменьшилось число зажиточных (в 2,8 раза) и средних хозяйств (в 2,2 раза), что подтверждает общую тенденцию по всей стране [23].

Социально-психологической обстановке в деревне накануне коллективизации на примере Ленинградской области посвящена статья С.А.Шинкарчука. Автор отмечает, что крестьян куда больше интересовали хозяйственные вопросы, чем общественно-политические. Враждебность крестьян по отношению к правящей власти находилась в прямой зависимости от её аграрной политики. Историк отмечает, что крестьяне редко открыто высказывали недовольство властью, однако в частушках часто высмеивали комсомольских и партийных работников.

Особенно возрастало крестьянское недовольство во время неурожайных годов, когда возникал продовольственный дефицит. Из-за отсутствия частной торговли крестьянам приходилось ходить за продовольствием за несколько километров в ближайший город. Именно в очередях люди, накаленные до предела, часто позволяли себе открыто «ругать советскую власть». Отсутствие массовых вооруженных выступлений на начальном этапе коллективизации автор связывает с тем, что общественное мнение еще не успело сформироваться [24].

Эволюции массового сознания сибирского крестьянства в период коллективизации посвящена статья А.В.Азарова. Автор считает, что потрясения, выпавшие на долю советской деревни, культивировали в сельском населении худшие человеческие качества: эгоизм, безразличие и жестокость. А отсутствие хозяйственной свободы не оставляло места какой бы то ни бы-

ло самостоятельности, позволяя манипулировать массовым сознанием.

Автор называет этот процесс «раскрестьянием душ», который привел к маргинализации сельского населения [25].

Исследователь центрально-черноземной деревни А.В.Потапова отмечает, что политика государства, сводившаяся к изъятию части прибавочного продукта у крестьян и не создававшая взамен необходимых экономических и правовых основ безопасности их жизнедеятельности, вызвала в деревне, привыкшей жить по законам «моральной экономики», сначала недоумение, затем недоверие, а в конечном итоге враждебность и настороженность к любым нововведениям власти [26].

Уральский историк И.Г.Серебрякова указывает, что если до 1923 г. изменения в крестьянской психологии носили постепенный характер (у крестьян было время, чтобы приспособиться), то впоследствии изменения стали быстрыми и коренным образом меняли крестьянскую психологию. Факторы изменений она делит на внешние (политику государства, в т.ч. экономическую, культурно-просветительскую) и внутренние (привычный крестьянский уклад жизни).

Авторская оценка произошедших изменений крестьянской психологии такова: «установление жесткого контроля над деревней, по существу, закрепостило крестьянина и лишило его самостоятельности, способствовало развитию в крестьянской среде равнодушия, безынициативности, признания неполноценности своей личности» [27].

Еще один уральский историк А.С.Еремин в своей диссертационной работе по истории коллективизации на Среднем Урале отмечает, что государство, проводя коллективизацию и «раскулачивание», не только допускало, но и часто поощряло произвол в ходе их проведения.

Автор приводит пример, когда государство в конце 1920-х гг. дало местным властям возможность самостоятельно определять признаки кулацких хозяйств, что создавало почву для сведения счетов [28].

Интересны исследования С.А.Кислицина и И.И.Алексеевко о «расказачивании», в которых авторы усматривают одну из основных причин кризиса советского сельского хозяйства, т.к. страна потеряла почти 3 млн. опытных сельско-

хозяйственных работников. Авторы также выделяют этапы и методы расказачивания, которые в целом не отличаются от антикрестьянских действий власти по всей стране.

Особое внимание в статье С.А.Кислицина уделено термину «расказачивание», который определяется как «ликвидация характерных черт, особенностей казачества как полувоенного сословия, слоя зажиточных землевладельцев и как обособленного субэтноса» [29].

Однако негативная оценка «расказачивания» в статье И.И.Алексеевко соседствует с утверждением в духе советской историографии: «мнение о коллективизации как о насильственной не исключает и положительных оценок ее последствий. Колхозный строй позволил высвободить миллионы рабочих рук для индустриализации...» [30]

Примерами монографических исследований коллективизации на Юге России могут служить работы Н.А.Мальцевой, И.И.Некрасовой. Авторы ставили задачу на основе конкретно-исторического материала раскрыть сущность и региональные особенности коллективизации [31].

Подводя ее итоги в Ставропольском крае И.И.Некрасова, например, пишет, что, несмотря на огромный аграрный потенциал и трудолюбивое крестьянство, регион оказался в таком сложном сельскохозяйственном положении из-за того, что «крестьянство стало рассматриваться в качестве объекта, источника выкачивания средств, необходимых для намеченных индустриальных преобразований...» [32]

Историки Сибири основное внимание сконцентрировали на двух аспектах: политике «раскулачивания» и демографических потерях сибирской деревни в результате коллективизации и голода начала 1930-х гг. В их работах даны взвешенные оценки демографических последствий данной трагедии для западносибирского крестьянства [33, 34, 35].

Проблема влияния аграрной политики Советского государства на уровень жизни крестьян Европейского Севера в 1930-е гг. получила отражение в трудах вологодских историков и исследователей Республики Карелия. Они добились значительных результатов в изучении государственных повинностей деревни в указанный период, которые негативно сказывались на

материальном положении колхозников и единоличников [36, 37, 38, 39,40].

Подводя итог нашему историографическому обзору публикаций по проблеме крестьянского сталинской коллективизации, «раскулачивания» необходимо отметить, что результаты международных научных исследований в рамках проектов «Советская деревня 20-30-х годов глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД», «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939» в значительной степени способствовали выходу из кризиса исторической науки в нашей стране.

Опыт и результаты международного научного сотрудничества, несомненно, взяты в оборот исследователями аграрной истории нашей страны.

Значительных успехов в изучении рассматриваемой проблемы достигли исследователи в российских регионах. Региональная аграрная историография – это целое направление в современных аграрных исследованиях в России.

В настоящее время сложились в регионах целые школы по изучению рассматриваемой проблемы: М.А.Безнина в Вологде, В.А.Ильиных и С.А.Красильникова в Новосибирске, и т.д.

Несомненно, позитивной тенденцией является серьезная тематическая и оценочная эволюция.

Современная отечественная историография однозначно оценивает аграрную политику Советской власти как насильственную, методы проведения коллективизации как репрессивные, а характер сталинизма как антисоциальный.

Необходимо отметить, что, несмотря на несомненное продвижение отечественной историографии в области изучения проблем коллективизации и «раскулачивания» в плане вовлечения богатого фактического материала, эволюции оценок, в большинстве работ сохраняется советская терминология.

Литература:

1. Матюхин А.В. Роль идеологии в общественных преобразованиях // Обозреватель – Observer. - 2017. - № 4. С.11
2. Кананерова Е.Н. Международные проекты РАН по аграрной истории России // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена. Аспирантские

тетради: Научный журнал; под ред. Лаптева И.П. СПб., Книжный дом, 2007. № 17 (43). С. 141-147

3. История России / А.В.Матюхин, Ю.А.Давыдова, Р.Е.Азизбаева; под ред. А.В.Матюхина. - 3-е издание. М., Московский финансово-промышленный университет «Синергия», 2017. С. 194-196

4. Кананерова Е.Н. Сталинская модернизация: причины, особенности и итоги (статья) / Концептуал: сборник научных трудов кафедры Философии и истории; сост. А.В.Матюхина. М., Московский финансово-промышленный университет «Синергия», 2016. С.113

5. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О льготах престарелым колхозникам и единоличникам» Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939 гг. М., 1999. в 5 т. Т. 5. Кн. 1. С.55

6. Из справки Секретно-политического отдела ОГПУ «Об отрицательных явлениях на селе и деятельности антисоветского элемента». Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939 гг. М., 1999. в 5 т. Т. 3. С.438

7. Постановление СНК УССР и ЦК КП (б) «О занесении на черную доску сел, злостно саботирующих хлебозаготовки». Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939 гг. М., 1999. в 5 т. Т. 2. С.562

8. Письмо М.М.Хатаевича В.М.Молотову о методах проведения хлебозаготовок. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939 гг. М., 1999. в 5 т. Т. 2. С.555

9. Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) о семенной помощи колхозам в связи с недородом в восточных районах СССР. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939 гг. М., 1999. в 5 т. Т. 2. С.288

10. Директива-инструкция ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О прекращении массовых выселений крестьян, упорядочении производства арестов и разгрузке мест заключения». Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939 гг. М., 1999. в 5 т. Т. 3. С.746

11. Материалы о мероприятиях против единоличников, саботирующих сев в Западной Сибири Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939 гг. М., 1999. в 5 т. Т. 4. С.498

12. Документы о подготовке операции по репрессированию «бывших кулаков». Трагедия

советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939 гг. М., 1999: в 5 т. Т. 5. Кн. 1. С. 345

13. Судебный процесс над руководителями Грачевской МТС Базковского района Азово-Черноморского края. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939 гг. М., 1999: в 5 т. Т. 5. Кн. 1. С.319

14. Постановление Президиума Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета «Об обложении кулацких хозяйств единым сельскохозяйственным налогом в индивидуальном порядке» Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939 гг. М., 1999. в 5 т. Т. 2. С. 239

15. Спецсообщение УНКВД Западно-Сибирского края о распределении доходов в колхозах края. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939 гг. М., 1999: в 5 т. Т. 5. Кн. 1. С. 215

16. Спецсообщение УНКВД Курской области «О продовольственных затруднениях в колхозах». Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939 гг. М., 1999: в 5 т. Т. 5. Кн. 1. С.135

17. Телеграмма Я.А.Яковлева И.В. Сталину о положении в Белоруссии. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939 гг. М., 1999: в 5 т. Т. 5. Кн. 1. С.272

18. Доброноженко Г.Ф. Коллективизация на Севере. 1929-1932. Сыктывкар, 1994. С.163

19. ВЧК – ОГПУ о политических настроениях Северного крестьянства. 1921-1927 годы (По материалам информационных сводок ВЧК-ОГПУ) / Составитель Г.Ф.Доброноженко. Сыктывкар, 1995. С.12

20. Политика раскрестьянивания в Сибири: Хроникально-документальный сборник. Вып. 1. Этапы и методы ликвидации крестьянского хозяйства. / Отв. ред. В.А. Ильных, О.В. Кавцевич). Новосибирск, 2000. С. 4, 59

21. Бикбаев Р.А. Раскулачивание в Башкирской АССР // Ядкяр. № 4. (32). С.51-56

22. Нувано В. Огонь не поражение // Северные просторы. 2004. № 1-2. С. 58

23. Угрюмов Б. Судьба крестьянская. СПб., 2005. С.64

24. Шинкарчук С.А. Социально-психологическая обстановка в деревне накануне коллективизации // КЛИО № 3 (26). 2004. С.179-180

25. Азаров А.В. Произвол раскулачивания и

правовое положение спецпереселенцев в Западной Сибири в 1930-годах // Гуманитарное знание: Сер. Преемственность: Ежегодник. Омск: Университетская книга, 1997. С.129

26. Потапова А.В. Эволюция общественного сознания крестьян Центрально-Черноземного округа в повседневных условиях новой экономической политики. 1921-1928 годы: дис. ... канд. истор. наук. Курск, 2006. С. 112

27. Серебрякова И.Г. Социальная психология крестьянства Урала в период сплошной коллективизации: 1929-1933: дис. ... канд. истор. наук. Екатеринбург, 2006. С.204

28. Еремин А.С. Коллективизация крестьянских хозяйств на Среднем Урале (Ирбитский феномен): автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Екатеринбург, 1997. С.12-13

29. Кислицин С.А. К вопросу об этапах осуществления большевистской политической элитой политики расказачивания в 20-30-е гг. / Проблемы истории казачества. Сборник научных трудов. Волгоград, 1995. С.304

30. Алексеенко И.И. Репрессии на Кубани и Северном Кавказе в 30-е годы XX века. Краснодар, 1993. С.114

31. Мальцева Н.А. Очерки истории коллективизации на Ставрополье. СПб., 2000. С.143

32. Некрасова И.Н. Коллективизация в сельском хозяйстве Ставропольского края (к. 20х - н. 30х гг.): оценки и выводы: автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Пятигорск: Новость, 2004. С.17

33. Белковец Л.П. «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири (конец 1920-х-1930-е годы). М., 1995.С.164-169

34. Гуцин Н.Я. Раскулачивание в Сибири (1928-1934 гг.): методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия. Новосибирск, 1996. С.133-135

35. Исупов В.А. Смертность населения Западной Сибири (1932-1933 гг.) // Тезисы докладов и сообщений VII Всесоюзной конференции по исторической демографии. Донецк, 14-16 мая 1991 г. Часть I. С.45-46

36. Безнин М.А., Димони Т.М., Изюмова Л.В. Повинности российского крестьянства в 1930-1960-х годах. Вологда, 2001. С.46

37. Глумная М.Н.Единоличное крестьянское хозяйство на Европейском Севере России в 1933-1937 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1994. С. 114

38. Изюмова Л.В. Повинности колхозного крестьянства на Европейском Севере России в конце 1930-х–1950-е гг. автореф. дисс ... канд. ист. наук. Вологда, 2001.

39. Из истории раскулачивания в Карелии, 1930-1931 гг.: Документы и материалы / Науч. ред. Н.А.Ивницкий, В.Г.Макуров. Сост. Л.И.Драздович, А.Ю.Жуков, В.Г.Макуров, О.А.Никитина, А.Т.Филатова. Петрозаводск, 1991. С. 98-99

40. Никитина О.А. Коллективизация и раскулачивание в Карелии (1929-1932 годы). Петрозаводск, 1997.

THE PROBLEM OF COLLECTIVIZATION AND DISPOSSESSION OF "KULAKS" IN THE NATIONAL HISTORIOGRAPHY 1990-2000

[PROBLEMA KOLLEKTIVIZATSII I «RASKULACHIVANIYA» V OTECHESTVENNOY ISTORIOGRAFIИ 1990-2000 GODOV]

Elena KANANEROVA

Candidate Of Historical Sciences, Assistant Professor; Moscow Financial & Industrial University "Synergy"; 125190, Moscow, Leningradsky Prospect, 80G; E-Mail: ekananeroва@yandex.ru

KEYWORDS:

collectivization, dispossession of "kulaks" ("dekulakization"), the socialist deprivation of peasants' rights ("raskrestyanivanie"), dispossession of Cossacs ("decossackization"), grain procurement, agricultural historiography.

ABSTRACT:

The article deals with the development of the study of collectivization and «dekulakizations» in the domestic agrarian historiography. The author analyzes the documents collections, monographs, articles published in 1990-2000, traces the evolution of concepts, subjects, terminology of authors who developed this problem. The analysis showed that the publication of documents in the framework of the project "Tragedy of the Soviet village" was a powerful impetus in the development of this direction of agricultural historiography. Agrarian historiography of 1990-2000 has made serious progress in studying this problem at the regional level. Currently, there are schools in the regions to study the problem under consideration.

REFERENCES:

Matyukhin A. Rol ideologii v obshchestvennykh preobrazovaniyakh. [The role of ideology in social transformations]. – Observer, 2017, No. 4. p.11.

Kananeroва E. Mezhdunarodnyye proyekty RAN po agrarnoy istorii Rossii. Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A.Gertsena. Aspirantskiye tetradi: Nauchnyy zhurnal [International Projects of the Russian Academy of Sciences on the Agrarian History of Russia. News of the Russian State Pedagogical University named after A.Gerzen. Postgraduate notebooks: Scientific journal.] – St. Petersburg, Book House, 2007, № 17 (43), pp. 141-147.

Istoriya Rossii. Pod red. A.Matyukhina. [Russian history. Ed. A.Matyuhin.]. – Moscow Financial & Industrial University "Synergy", 2017, p. 194-196.

Kananeroва E. Stalinskaya modernizatsiya: prichiny, osobennosti i itogi. Kontseptual: sbornik nauchnykh trudov kafedry filosofii i istorii; sostavleniye A.Matyukhina. [Stalin's modernization: causes, features and results. The conceptual: a collection of scientific works of the Department of Philosophy and History; compilation of A.Matyukhin.]. – Moscow Financial & Industrial University "Synergy", 2016, p. 113.

Tragediya sovetskoy derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivaniye. 1927-1939 gody. V 5 tomakh. [The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dekulakization. 1927-1939. In 5 Volumes.]. – Moscow, 1999. – Vol. 5, book 1, p.55; vol. 3, p.438; vol. 2, p. 562; vol. 2, p. 555; vol. 2, p. 288; vol. 3, p.746; vol. 4, p. 498; vol. 5, book 1, p. 345; vol. 5, book 1, p. 319; vol. 2, p. 239; vol. 5, book 1, p. 215; vol. 5, book 1, p. 135; vol. 5, book 1, p.272.

Dobronozhenko G. Kollektivizatsiya na Severe. 1929-1932. [Collectivization in the North. 1929-1932.]. – Syktyvkar, 1994, p. 163.

VCHK – OGPU o politicheskikh nastroyeniyyakh Severnogo krest'yanstva. 1921-1927 gody (Po materialam informatsionnykh svodok. Sostavitel' G.Dobronozhenko. [VCHK–OGPU about the political moods of the Northern peasantry. 1921-1927 (Based on the materials of the information reports. Compiled by G.Dobronozhenko.]. – Syktyvkar, 1995. p.12.

Politika raskrestyanivaniya v Sibiri: khronikalno-dokumentalnyy sbornik. Vypusk 1. Etapy i metody likvidatsii krestyanskogo khozyaystva. [The policy of raskrestyanivanie in Siberia: Chronicle and documentary collection. Issue 1. Stages and methods of liquidating the peasant economy.]. – Novosibirsk, 2000, p. 4, 59.

Bikbayev R. Raskulachivaniye v Bashkirskoy ASSR. [The dispossession in the Bashkir ASSR.] – Yadkiyar, No. 4 (32), p. 51-56.

Nuvano V. Ogon ne porazheniye. [Fire is not defeat.]. – Severnyye prostory (Northern expanses), 2004, № 1-2, p. 58.

Ugryumov B. Sudba krestyanskaya. [The fate of the peasant.]. – St. Petersburg, 2005, p. 64.

Shinkarchuk S. Sotsialno-psikhologicheskaya obstanovka v derevne nakanune kollektivizatsii. [Socio-psychological situation in the village on the eve of collectivization.]. – CLIO, No. 3 (26), 2004, p. 179-180.

Azarov A. Proizvol raskulachivaniya i pravovoye polozheniye spetspereselentsev v Zapadnoy Sibiri v 1930 godakh. Gumanitarnoye znaniye. Seriya: Preyemstvennost. Yezhegodnik. [The arbitrary dekulakization and legal status of the special settlers in Western Siberia in the 1930s. Humanitarian knowledge. Series: Continuity. Yearbook.]. – Omsk: University Book, 1997, p. 129.

Potapova A. Evolyutsiya obshchestvennogo soznaniya krestyan Tsentralno-Chernozemnogo okruga v povsednevnykh usloviyakh novoy ekonomicheskoy politiki: 1921-1928 gody. [Evolution of public consciousness of the peasants of the Central-Black-Earth District in the daily conditions of a new economic policy: 1921-1928. Dissertation.]. – Kursk, 2006, p. 112.

Serebryakova I. Sotsialnaya psikhologiya krestyanstva Urala v period sploshnoy kollektivizatsii: 1929-1933 gody. [Social psychology of the Urals peasantry in the period of continuous collectivization: 1929-1933. Dissertation.]. – Ekaterinburg, 2006, p. 204.

Yeremin A. Kollektivizatsiya krestyanskikh khozyaystv na Srednem Urале (Irbitkiy fenomen). [Collectivization of peasant farms in the Middle Urals (Irbit phenomenon). Dissertation.]. – Ekaterinburg, 1997, p. 12-13.

Kislitsin S. K voprosu ob etapakh osushchestvleniya bolshevistskoy politicheskoy elitoi politiki raskazachivaniya v 20-30-e gody. Problemy istorii kazachestva. Sbornik nauchnykh trudov. [On the issue of the stages of the implementation of the Bolshevik political elite policy of dispossession of Cossacs ("decossackization") in the 1920s and 1930s. Problems of the history of the Cossacks. Collection of scientific papers.]. – Volgograd, 1995, p. 304.

Alekseyenko I. Repressii na Kubani i Severnom Kavkaze v 30-e gody XX veka. [Repression in the Kuban and the North Caucasus in the 30s of the XX century.]. – Krasnodar, 1993, p. 114.

Maltseva N. Ocherki istorii kollektivizatsii na Stavropol'ye. [Essays on the history of collectivization in the Stavropol Territory.]. – St. Petersburg, 2000, p. 143.

Nekrasova I. Kollektivizatsiya v selskom khozyaystve Stavropolskogo kraia (konets 20-h - nachalo 30-h godov): otsenki i vyvody. [Collectivization in agriculture of the Stavropol Territory (late 20s - early 30s): assessments and conclusions. Dissertation.]. – Pyatigorsk, News, 2004, p. 17.

Belkovets L. «Bolshoy terror» i sudby nemetskoy derevni v Sibiri (konets 1920-h – 1930-e gody). ["The Great Terror" and the fate of the German village in Siberia (late 1920s— 1930s).]. – Moscow, 1995, p. 164-169.

Gushchin N. Raskulachivaniye v Sibiri (1928-1934 gody): metody, etapy, sotsialno-ekonomicheskiye i demograficheskiye posledstviya. [Dispossession of "kulaks" ("dekulakization") in Siberia (1928-1934): methods, stages, socio-economic and demographic consequences.]. – Novosibirsk, 1996, pp. 133-135.

Isupov V. Smertnost naseleniya Zapadnoy Sibiri (1932-1933 gody). Tezisy dokladov i soobshcheniy VII Vsesoyuznoy konferentsii po istoricheskoy demografii. [Mortality of the population of Western Siberia (1932-1933). Theses of reports and reports of the VII All-Union Conference on Historical Demography.]. – Donetsk, May 14-16, 1991, Part I, p. 45-46.

Beznin M., Dimoni T., Izyumova L. Povinnosti rossiyskogo krestyanstva v 1930-1960-kh godakh. [Commitments of the Russian peasantry in the 1930s – 1960s.]. – Vologda, 2001, p. 46.

Glumnaya M. Yedinolichnoye krestyanskoye khozyaystvo na Yevropeyskom Severe Rossii v 1933-1937 godah. [Single-peasant farming in the European North of Russia in 1933-1937. Dissertation.]. – Moscow, 1994, p. 114.

Izyumova L. Povinnosti kolkhoznogo krestyanstva na Yevropeyskom Severe Rossii v kontse 1930-h – 1950-e gody. [Commitments of collective farm peasantry in the European North of Russia in the late 1930s – 1950s. Dissertation.]. – Vologda, 2001.

Iz istorii raskulachivaniya v Karelii, 1930-1931 gody. Dokumenty i materialy. [From the history of dispossession in Karelia, 1930-1931. Documents and materials.]. – Petrozavodsk, 1991, pp. 98-99.

Nikitina O. Kollektivizatsiya i raskulachivaniye v Karelii (1929-1932 gody). [Collectivization and dispossession of "kulaks" ("dekulakization"), in Karelia (1929-1932).]. – Petrozavodsk, 1997.
